

№ 1140

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ ХХХІІ

1888

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІА А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

1888

54

Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ. Выпускъ первый. Время патріаршества Іосифа. Н. Каптерева. Москва. 1887.

Въ настоящей своей книгѣ, профессоръ Московской духовной академіи, Н. Ѳ. Каптеревъ уже не въ первый разъ затрогиваетъ вопросъ объ исправленіи книгъ и происхожденіи раскола; онъ касался его въ статьѣ «Слѣдственное дѣло объ Арсеніи Грекѣ», напечатанной въ «Чтеніяхъ Общ. Люб. Дух. Просвѣщенія», 1881 г. № 7, и въ книгѣ «Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ», о которой мы имѣли случай дать отзывъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1886 г. № 2. Уже тогда мы указывали, какъ характерное свойство трудовъ г. Каптерева, его замѣчательную объективность, истинно-научное отношеніе къ изучаемому вопросу, отсутствіе всякихъ полемическихъ тенденцій. Въ настоящемъ изслѣдованіи эти свойства автора оказываются тѣмъ болѣе важными, что ни одинъ историческій вопросъ не былъ такъ затемненъ разными полемическими увлеченіями, какъ вопросъ о происхожденіи раскола. А, между тѣмъ, такая тенденціозность вредила самой полемикѣ съ расколомъ, успѣшность которой возможна только при строго-научномъ отношеніи къ дѣлу полемистовъ и это весьма убѣдительно разъясняется г. Каптеревымъ. «Намъ кажется, говоритъ онъ, что на нашихъ ученыхъ полемистахъ съ расколомъ лежитъ нравственный долгъ изслѣдовать спорные вопросы исторически, строго-научно, безъ предвзятыхъ, установившихся полемическихъ тенденцій, такъ какъ только подъ этимъ условіемъ возможна будетъ правильная постановка полемики съ расколомъ, самая ея успѣшность и плодотворность. Въ самомъ дѣлѣ, для успѣха полемики съ расколомъ недостаточно ограничиваться одними обличеніями невѣжества и непониманія раскольниковъ, а нужно показать и свое собственное, строго-научное и безпристрастно-пріобрѣтенное знаніе, недостаточно ограничиваться и заявленіями однихъ общихъ истинъ, что обрядъ не догматъ, что онъ въ теченіе вѣковъ видоизмѣнялся въ православной церкви и можетъ видоизмѣняться, что значеніе обряда опредѣляется не тою или другою его внѣшнею формою, а заключающимся въ немъ ученіемъ. Необходимо для успѣха полемики эти общія истины показывать и доказывать на безпристрастно и основательно изученной исторіи тѣхъ самыхъ частныхъ обрядовъ, по поводу которыхъ старообрядцы отдѣлились отъ церкви и о которыхъ доселѣ ведутся постоянно горячіе споры съ ними. Тогда и старообрядцу, если ему ясно, безпристрастно и безъ полемическихъ увлеченій будетъ изложена, на примѣрѣ, исторія перестроженія въ православной церкви и, если возможно, и въ другихъ христіанскихъ странахъ, сдѣлается понятнымъ, что обрядъ никакъ нельзя смѣшивать съ догматомъ, считать его, какъ и догматъ, всегда одинаково неизмѣннымъ». Такая постановка вопроса очень не нравится нашимъ полемистамъ, сильно приверженнымъ къ старымъ пріемамъ, и одинъ изъ нихъ профессоръ Субботинъ объявилъ г. Каптерева даже еретикомъ; но тѣмъ не менѣе невозможно отрицать, что при историческомъ изученіи не можетъ быть иного отношенія къ предмету, чѣмъ то, котораго требуетъ г. Каптеревъ.

Въ числу весьма мало изслѣдованныхъ періодовъ нашего книжнаго исправленія принадлежитъ время патріаршества Іосифа. О немъ установились весьма превратныя представленія. Нѣкоторые наши историки и поле-

мисты считаютъ его «временемъ господства у насъ крайняго невѣжества, временемъ усиленной порчи книгъ, полной церковной распущенности, прочнаго водворенія у насъ разныхъ церковныхъ безпорядковъ, когда всею церковною жизнью и книжными исправленіями завѣдывала елика невѣжественныхъ протопоповъ, вкравшихся въ довѣріе очень слабаго и престарѣлаго патріарха». Въ параллель съ этимъ мнѣніемъ можно поставить взглядъ старообрядцевъ, ссылающихся на время Іосифа, какъ на золотое свое время. Но оба эти взгляда, какъ доказываетъ г. Каптеревъ, не могутъ выдержать критики. По нимъ патріаршество Іосифа представляется прямою противоположностью съ эпохой Никона, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности оно было подготовительной стадіей къ реформамъ Никона; «Іосифъ является предшественникомъ Никона не только по времени, но и по духу». При Іосифѣ происходитъ коренное измѣненіе въ нашихъ отношеніяхъ къ южно-руссамъ и грекамъ. До него на южно-руссовъ и въ обществѣ и въ высшихъ церковныхъ и правительственныхъ сферахъ крѣпко держался взглядъ какъ на утратившихъ православіе; слѣдствіемъ такого взгляда было постановленіе о перекрещиваніи бѣлоруссовъ, приходящихъ въ Москву. Къ грекамъ относились тоже подозрительно: оффиціально и правительство и церковь считали ихъ православными, но въ народѣ смотрѣли на нихъ иначе: флорентійская унія представлялась яркимъ доказательствомъ ихъ отпаденія отъ православія, а турецкое иго, подъ которымъ находились греки, казалось, неизбежно должно было вліять на чистоту ихъ вѣры. Но Іосифъ пошелъ противъ этихъ взглядовъ. Южно-руссы не только признаются при немъ православными, но ставятся выше москвичей: является сознаніе недостаточности и непригодности стараго московскаго образованія и необходимости учиться у кievлянъ; южно-русскія сочиненія перепечатаются почти цѣликомъ, за самыми ничтожными исключеніями, таковы, напримѣръ, Кириллова книга, книга о Вѣрѣ, Малый Катихизисъ (книги особенно уважаемыя раскольниками). И патріархъ и свѣтское правительство хлопчатъ объ устройствѣ въ Москвѣ школы, въ которой руководство ученіемъ должно быть поручено кievлянамъ. Относительно грековъ, патріархъ Іосифъ весьма категорично высказываетъ упомянутый выше оффиціальный взглядъ. «Въ своихъ посланіяхъ къ датскому принцу Вольдемару патріархъ заявлялъ, что истинное православіе находится только у грековъ и русскихъ и у ихъ единовѣрцевъ, что русская церковь по дѣламъ вѣры всегда сносится съ четырьмя восточными патріархами. Въ напечатанныхъ при Іосифѣ книгахъ торжественно заявлялось, что греки вполне и во всемъ православны, что турецкое иго нисколько не повредило древняго греческаго благочестія, такъ что греки держатъ нерушимо не только правую вѣру, но и древніе церковные чины и обряды. Но этого мало. Для рѣшенія нѣкоторыхъ возникшихъ у насъ церковныхъ вопросовъ (напримѣръ, вопроса о единогласіи) патріархъ Іосифъ прямо обращается къ авторитету константинопольскаго патріарха, самымъ дѣломъ показывая, что голосъ константинопольской церкви, въ случаѣ возникновенія у насъ разныхъ вопросовъ и недоумѣній, долженъ имѣть для русской церкви руководящее и прямо рѣшающее значеніе. Не трудно видѣть, заключаетъ г. Каптеревъ, что съ этой стороны патріархъ Іосифъ былъ прямымъ предшественникомъ Никона, который, опираясь въ своей реформаторской дѣятельности главнымъ образомъ на авторитетъ греческой церкви, только продолжалъ идти по тому пути, на который уже рѣшительно вступилъ его предшественникъ патріархъ Іосифъ».

Поворотъ въ отношеніяхъ къ кievлянамъ и грекамъ особенно сильно сказался на книжномъ исправленіи, послужившемъ поводомъ къ возникновенію раскола. При Іосифѣ является сознание неудовлетворительности старыхъ средствъ, которыми производилось это исправленіе. Справщики заявляютъ, что древніе славянскіе переводы неисправны и испорчены позднѣйшими невѣжественными переписчиками, что на основаніи ихъ однихъ никакъ нельзя печатать церковныя книги, необходимо обратиться къ греческому тексту и поручить исправленіе людямъ научно-образованнымъ, знающимъ языкъ греческій и славянскій. Такихъ людей въ Москвѣ не было, ихъ надо было вызвать изъ Кіева. При Іосифѣ вызваны были ученые кievляне Арсеній Сатаповскій, Елифаній Славинецкій и Дамаскинъ Птицкій. Для той же цѣли книжнаго исправленія былъ оставленъ въ Москвѣ извѣстный Арсеній Грекъ. Особенно важно указаніе г. Каптерева, что уже при Іосифѣ были сдѣланы первыя попытки изданія исправленныхъ по греческому тексту книгъ, Кормчей и Шестоднева. Такимъ образомъ при патріархѣ Іосифѣ не только точно и опредѣленно намѣчена была та программа книжныхъ исправленій, которой потомъ слѣдовалъ Никонъ, но уже при Іосифѣ ее начали приводить въ исполненіе, при немъ найдены были и ея исполнители, такъ что Никону и въ этомъ отношеніи приходилось только продолжать дѣло, которое начато было его предшественникомъ. При Іосифѣ же обнаружился и протестъ противъ новаго направленія, обратившійся при Никонѣ въ расколъ. Протестовали тѣ же люди, что и при Никонѣ, первые расколоучители, Аввакумъ, Нероковъ, Логинъ и др. Г. Каптеревъ высказываетъ совершенно новый взглядъ на ту роль, которую играли эти лица во время патріарха Іосифа. Ихъ долгое время считали справщиками, но уже покойный митрополитъ Макарій доказалъ, что справщиками они никогда не были; чтобы объяснить ихъ значеніе, онъ предполагалъ, что они составляли неофициальный совѣтъ при патріархѣ и негласно вліяли на исправленіе книгъ, но г. Каптеревъ опровергаетъ и это предположеніе. Онъ выясняетъ, что эти лица, группировавшіеся около царскаго духовника Стефана Вонифатьева, не только не были близки къ патріарху Іосифу, но стояли даже къ нему прямо во враждебныхъ отношеніяхъ: Стефанъ называлъ Іосифа «волкомъ, а не пастыремъ» и хулилъ весь соборъ архіереевъ. Кружокъ Стефана поставилъ себѣ задачей обличеніе и преслѣдованіе существующихъ церковныхъ безпорядковъ, господствующихъ пороковъ и недостатковъ въ жизни народа и духовенства; этотъ кружокъ дѣйствовалъ по нѣкоторымъ вопросамъ согласно съ патріархомъ, — такъ было по вопросу о единогласіи — но онъ разошелся съ нимъ во взглядѣ на книжное исправленіе. Патріархъ говорилъ о нихъ: «возстали лицемѣры, имущіи образъ благочестія, силы же его отвергшіеся». Г. Каптеревъ прекрасно опредѣляетъ значеніе этого кружка и причину его силы. Члены его были провинціалы, представители старой Руси, «еще прочно державшейся всѣхъ дѣдовскихъ вѣрованій, обычаевъ и традицій, крѣпко вѣровавшей въ ихъ невыблемость и спасительность, и потому крайне стойкой въ своихъ вѣрованіяхъ, убѣжденіяхъ и идеалахъ, крайне неподатливой на всякую новину, враждебной всему, что стремится освободиться отъ узъ вѣкового, хотя бы уже и отжившаго обычая, отъ привычнаго, вѣками освященнаго строя понятій, хотя бы уже заявившихъ свою дальнѣйшую непригодность». Сила кружка заключалась именно въ этой стойкости, его ревнители производили сильнѣйшее впечатлѣніе на массу, и когда имъ впоследствии пришлось энер-

гично выступить противъ патріарха Никона, на ихъ сторону склонялись весьма многіе: «на смерть идуть за свое ученіе—одного этого уже достаточно для массы, чтобы видѣть въ ихъ ученіи, не разбирая и не одѣнивая его по существу, святую непререкаемую истину,—за неправое дѣло, въ которое сами не вѣрятъ, люди не кладутъ добровольно головы на плаху, не даютъ вырѣвывать у себя языки, не идуть спокойно на костеръ».

Такова сущность выводовъ г. Каптерева, въ нихъ много новаго, а главное нова самая постановка вопросовъ, и нельзя не сочувствовать проявленію начала объективности при изученіи предмета, особенно въ ней нуждающагося. Мы привѣтствовали два года тому назадъ изслѣдованіе гр. А. О. Гейдена, ставшаго на строго-научную почву, и не можемъ также не привѣтствовать труда г. Каптерева. Надо желать продолженія этого труда въ томъ же направленіи; эпоха Никона при безпристрастномъ изученіи представить неменьшій интересъ.

А. Ворондичъ.

Серапіонъ Владимірскій, русскій проповѣдникъ XIII вѣка. Изслѣдованіе съ прибавленіемъ «Поученій Серапіона Владимірскаго» по древнѣйшимъ спискамъ. Евгенія Пѣтухова. Слб. 1888.

Объемъ литературной дѣятельности Серапіона, епископа Владимірскаго, судя по сохранившимся до насъ его произведеніямъ (всего 5 поученій) не былъ великъ, и ея изученіе не представляетъ особеннаго историко-литературнаго интереса, но оно имѣетъ существенное значеніе, если мы станемъ на точку зрѣнія историко-культурную, такъ какъ Серапіонъ въ своихъ проповѣдяхъ затронулъ одинъ изъ важнѣйшихъ культурныхъ вопросовъ, вопросъ о колдовствѣ и суевѣріяхъ. На эту именно точку зрѣнія сталъ авторъ настоящаго изслѣдованія, Е. В. Пѣтуховъ, хотя должно замѣтить, что въ то же время онъ не упускаетъ изъ виду и специально-литературныхъ задачъ.

Изложивъ имѣющіяся у насъ скудныя біографическія свѣдѣнія о Серапіонѣ (гл. I) и подробно разобравъ вопросъ о подлинности приписываемыхъ Серапіону поученій (гл. II), авторъ въ двухъ слѣдующихъ главахъ своего изслѣдованія рассматриваетъ отношеніе Серапіона къ татарскому нашествію. Серапіонъ видитъ въ этомъ нашествіи наказаніе Божіе за грѣхи русскихъ людей—тотъ же взглядъ высказывается въ лѣтописи и въ нѣкоторыхъ другихъ памятникахъ этой эпохи. Проповѣдникъ призываетъ свою паству къ покаянію. Такая покаянная точка зрѣнія не была новостью въ русской жизни; на всякія общественныя бѣдствія вообще смотрѣли, какъ на Божіе наказаніе, въ татарскую эпоху этотъ взглядъ сталъ преобладающимъ и Серапіонъ является яркимъ выразителемъ общественнаго настроенія своего времени. Но за какіе же грѣхи Богъ покаралъ русскую землю? Разбирая отвѣты Серапіона на этотъ вопросъ, г. Пѣтуховъ приходитъ къ выводамъ весьма важнымъ: онъ указываетъ извѣстную схему пороковъ, подвергавшихся въ древней Руси обличенію съ церковной кафедры; эта схема, по мнѣнію автора, заимствована изъ Византіи и дѣлала проповѣдь сухой, отвлеченной, отрѣшенной отъ жизни. Указаніе схемы пороковъ имѣетъ очень большое значеніе, оно проливаетъ свѣтъ вообще на всю нашу древнюю проповѣдь и поучительную литературу; разъ мы знаемъ о существованіи такой схемы, мы знаемъ, съ какими критическими приѣмами должны пользо-